

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Глава 10, 19

писательница *Котляр Наталья Борисовна*,
учитель английского языка МБОУСОШ №30, г.Апшеронск

Аннотация: Книга «На перекрестках параллелей» повествуют о судьбах двух поколений советских иммигрантов, уехавших на Запад в период так называемой «оттепели» 60х годов и в 90е годы прошлого столетия. «Как жить дальше?», - этим вопросом задавались миллионы русских после распада СССР. Настасья Карельских, благодаря счастливому стечению обстоятельств, не просто пережила «смутные» времена, но и стала преуспевающей бизнес-леди. Однако, годы, прожитые в иммиграции, были полны личных переживаний и разочарований в хвалебную западную демократию, а тернистый путь возвращения в Россию не лишен опасности для нее и ее близких. Особое внимание в книге уделяется спорам и рассуждениям о будущем России, ее назначении и роли в судьбах соотечественников, проживающих за пределами исторической Родины.

Ключевые слова: Россия, западная демократия, цивилизация, иммиграция, соотечественники, ностальгия.

AT INTERSECTIONS OF PARALLELS

Chapter 10, 19

writer *Nataliya Kotlyar* ,
teacher of English language MBOUSOSH No. 30, g. Apsheronsk

Abstract: The novel “At The Cross Points Of The Parallels” follows the destiny of two generations of the Soviet immigrants who had left for the west during so called “thaw” period of the 1960s and in the 1990s of the last century.

“How to live further?” that was the question millions of Russians tried to solve after the USSR ceased to exist. Mrs Nastasya Karelsky, due to lucky circumstances, not only managed to survive the “mutinous” times but emerged as a successful business lady. Yet the years spent in to immigration were full of personal distress and grave disillusion in the praised western democracy and the way back to Russia was hard and even dangerous to her and her family.

Key words: Russia, western democracy, civilization, immigration, compatriots, nostalgia.

Глава 10

"Королева Виктория" пришвартовалась в Гамбургском порту ранним утром. От громкой отрывистой и, как показалось спросонья Насте, неприветливой немецкой речи окончательно расхотелось спать. Она выглянула в иллюминатор, поежилась от вида свинцовых туч и все же решила сойти на берег.

В Германии ей всегда хотелось побывать как дочери солдата-победителя, увидеть, что собой представляет страна, некогда развязавшая две мировые войны, эхом отдающиеся в сердцах миллионов людей и по сей день, но сумевшей из руин быстро превратиться процветающее государство. Насте было любопытно, какие они, сегодняшние немцы. Безусловно, за один, пусть и продолжительный летний день, этого не узнаешь, и все же с ее опытом туристки было уже не столь трудно сравнить Германию, скажем, с Францией, о которой остались самые теплые воспоминания.

С такими мыслями Настя пересекла мост через Эльбу и побрела по утренним, просыпающимся ото сна улицам Гамбурга в сторону центра города, пока не почувствовала, что голодна и шагнула в только что открывшееся кафе, заманивающее к себе посетителей аппетитными запахами свежееиспеченных булочек и пирожных с марципаном. Она выбрала столик у окна и подошедшая молодая официантка с восточными чертами лица стала ей бойко на немецком

перечислять меню. Карельских, смущенно улыбаясь, по-английски попросила чашечку кофе с двумя булочками с маком, отчего у девушки мелькнул иронический блеск в темных глазах, и она с нескрываемым раздражением отправилась выполнять первый за этот день заказ. От наблюдательной Насти не ускользнуло столь странное отношение к себе со стороны обслуживающего персонала, но она, излишне поглощенная в свои размышления, не стала задаваться вопросом, почему девушка-официантка, будучи сама иммигранткой либо дочерью иммигрантов, подчеркивает свое пренебрежение к иностранцам.

После завтрака Настя направилась по Мартин-Лютерштрассе и дошла до Шаар-Маркта, где на углу в киоске купила несколько открыток с видами Гамбурга, чтобы отправить их домой, как делала уже в Париже и Амстердаме и по узкой улочке Коэфштрассе вышла на площадь, отдаленно напоминавшую с детства знакомую Домскую площадь родной Риги, где возвышался собор св.Михаила. Напротив церкви на раскладном стульчике расположился художник с мольбертом в руках. Прохожие с любопытством заглядывали в рисунок, некоторые, остановившись, тихо выражали свое восхищение. Художник что-то начинал им предлагать и тогда те, качая головой, торопливо уходили прочь. Настю тоже невольно привлек внимание эскиз церкви и она замедлила шаг, что не ускользнуло от зоркого глаза живописца.

- Фрау, айн портрет. Цванциг марк, - и он артистичным жестом достал чистый лист бумаги.

Что-то заставило заколебаться Карельских и не отказаться от предложения. Но она ни слова не говорила по-немецки и не поняла, сколько запросил за портрет длинноволосый с пробивающейся на висках сединой усатый мужчина спортивного телосложения, одетый в серую футболку и в потертые джинсы. Она вежливо попросила назвать цену по-английски.

В ответ художник кашлянул, пробормотал по-русски "Черт, совсем забыл английский", потом поднял вверх указательный и средний пальцы левой руки и очертил круг державшим в правой руке карандашом.

- Вы русский? - широко улыбнулась Настя соотечественнику.

- Вот это да! Сколько сюда хожу, впервые встречаю русскую туристку, - обрадовано воскликнул он и пояснил: - Знаете, "наши" все больше по дешевым магазинам бегают, а не на соборы смотрят... Вы присядьте на мой стульчик, а портрет Ваш я за полчаса нарисую, уж очень лицо у Вас выразительное, и денег не возьму.

- Нет-нет, - запротестовала Настя, - за труд надо платить. Так что называйте Вашу цену.

- Бросьте, - обиделся мужчина, - Сказано, "ни копейки" - и все тут.

Пока Настя усаживалась на раскладной стульчик, окончательно распогодилось, и Гамбург теперь казался Насте уже не таким хмурым, как поутру. Виктор - так звали художника - энергичными росчерками наносил на бумагу Настин полупрофиль, не переставая рассказывать о себе. Так за считанные минуты Карельских узнала, что он тоже - вот совпадение! - родом из Риги и что в Гамбурге живет со своей семьей уже четвертый год. Когда портрет был почти закончен, Виктор сделал Насте неожиданное предложение:

- Знаете, Настя, я тут недалеко живу. Так что приглашаю к нам в гости пообедать. С женой познакомлю. Марина будет Вам рада. Не откажите земляку.

Она взглянула на соборные часы, и что-то высчитывала в уме. Потом тряхнула головой и просто ответила:

- Ну что ж, показывайте, где живут тут русские художники.

Дорогой он выступил роли гида, поведывая много интересного из истории архитектуры города, показал улицу, полностью разрушенную от бомбежек в годы второй мировой войны и заново отстроенную турецкими строителями, специально приглашенными на работу, чьи потомки составляют самую многочисленную диаспору в сегодняшней Германии.

Настя внимательно слушала его рассказ, ловя при этом себя на том, как удалось стране-пораженцу сделать так, что и следа не осталось от прошедшей войны. Но Виктор, словно прочитав ее мысли, сам ответил на этот вопрос:

- Немцы не любят, чтобы им что-то напоминало о тех событиях. Они до сих пор очень болезненно воспринимают нас, русских, здесь, словно мы приехали их оккупировать...- и, сворачивая за угол, объявил: - Ну, вот мы и пришли.

Перед Настей предстала картина, резко отличающаяся от общего городского пейзажа. Вдоль грязного тротуара с разбросанными пустыми пластиковыми бутылочками из-под пива и соков, всевозможными конфетными обертками и смятыми пачками от сигарет и чипсов тянулся давно некрашеный металлический забор, за которым виднелись заросли кустарников и невзрачное серое трехэтажное здание. Из его открытых окон вперемешку доносились голоса, детский плач и с дюжину различных мелодий. Вход в калитку перегородила припаркованная серебристая "Ауди" последней модели с номерами SHG V100.

- Однако, - усмехнулась Настя, - богато живут тут иностранцы.

- А, это албанская мафия приехала "стричь" косоваров, - пояснил Виктор.
- Вчера получили социальную помощь, а сегодня ее у них отбирают на вооружение бандитов, что воюют в Югославии против наших братьев-сербов.

Для Насти столь обыденным тоном высказанное объяснение стало откровением. Но это было всего лишь первым открытием невиданной ей доселе жизни обитателей "ночлежки", как называл Виктор общежитие, где он провел последние три года.

Они поднялись по лестнице между снующими вверх-вниз детьми почти грудного возраста и направились по коридору под многозначительно оценивающими взорами двух молодых женщин, с которыми по-немецки поздоровался Виктор.

- Марина, у нас гостя, - с порога объявил он хлопотавшей возле журнального столика с салатом худощавой шатенке в сиреневом спортивном костюме.

- Коммен зи райн, - по-немецки пригласила она Настю.

- Спасибо, - поблагодарила по-русски Карельских, догадавшись о значении фразы.

- Ой, так Вы - русская! Проходите, пожалуйста, - широко улыбнулась Марина.

Настя исподтишка оглядела комнату, пока Виктор, извинившись, покинул женщин, чтобы помыть руки - туалет и душ, как объяснила Марина, находились в другом конце коридора. Это было небольшое, чуть продолговатое помещение с двумя окнами, перегороденное посередине тремя обшарпанными деревянными шкафчиками для одежды, за которыми виднелись детская кровать и мольберт Виктора. С этой стороны разместились раскладной диван с двумя креслами, журнальный столик и небольшой холодильник, стоящий в углу возле окна, на котором громоздился старый телевизор. Вместо обоев стены были расписаны (не трудно догадаться, кем) под весенний пейзаж, вносящий веселье в убогий интерьер комнаты.

Не успела Настя присесть на диван, как дверь распахнулась и в комнату влетела златовласая девчушка лет четырех с огромными изумрудными глазами в испачканной блузке и ссадинами на видневшихся из-под клетчатой юбочки коленках.

- Мам, этот албанец Кораб опять плохими словами обзывается, - чуть не плача пожаловалась она матери.

Та невозмутимо подняла голову от салатницы и тихо попросила дочь:

- Олеся, сначала поздоровайся с тетей. И потом, сколько тебе можно повторять: не играй ты с ними.

- Здравствуйте, э-э... гутен таг, - чуть склонив голову к плечу, стеснительно вымолвила Олеся.

- Здравствуй, Олеся. Меня зовут Настя.

- Ты тоже азилянтка?

- "Азилянтка"? А что это значит? - не поняла Карельских и вопросительно взглянула на Марину.

- Она имела в виду "беженка", - перевела та, продолжая накрывать на стол.

Тут вернулся Виктор с полотенцем через плечо:

- А, бандитка уже дома!

- Это Кораб бандит, - опять вспомнила обиду Олеся. - Папа, он снова обзывается нехорошими словами. Я его за это стукнула.

- И правильно сделала, - одобрил Виктор действия дочки, подавая ей полотенце. - Теперь марш мыть руки и - за стол.

- У нас тут постоянно конфликты с жильцами, - устало выдохнула Марина, наливая всем по тарелке зеленого борща. - Жаловаться, сами понимаете, некому. К тому же мы тут одни русские, а турков, африканцев и албанцев много.

Настя каким-то шестым чувством осознала, что супруги несчастны, нет, не в плане семейной жизни, а в смысле окружающей их среды. Она внимательно посмотрела на Марину, в которой было что-то необычное, но из-за ее постоянных движений это "что-то" не представлялось возможным уловить. Когда же все расселись, Карельских наконец-то разглядела, что у молодой женщины глаза разного цвета: один - зеленый, а другой - темно-серый, что, впрочем, совершенно не портило ее тонких черт лица.

Столик был накрыт в считанные минуты. Марина была расторопной хозяйкой, умудряющейся готовить трижды в день различные блюда на общей кухне в окружении неопрятных, а порой и опасно больных соседей по этажу, из-за чего ей постоянно приходится дежурить у своей кастрюли. Но жаловаться на жизнь было не в ее правилах.

После недолгих колебаний Настя осмелилась расспросить, как они попали сюда и почему бы им ни снять самую дешевую, но отдельную квартиру. Виктор расхохотался так, что поперхнулся котлетой, а Марина, горько усмехнувшись, ответила, что до получения статуса беженца им этого никто не позволит. Она также рассказала, что эта комната представилась им чуть ли не

хоромами после месячного пребывания в душной каюте списанного корабля, пока оформлялись их документы на прошение о предоставлении убежища.

Впрочем, Зимины неоднократно были свидетелями, как другие семьи каким-то волшебным образом переезжали из общежития в так называемые в "социальные квартиры" со всеми удобствами еще до получения статуса беженца. Одни предъявляли какие-то справки о якобы имеющихся в скрытых формах психических или инфекционных заболеваниях, другим предоставляли отдельные квартиры за "особые заслуги перед третьим рейхом", как выражался Виктор, то есть за лояльность, вернее будет сказать, ежедневные доклады начальству обо всем, что ими было услышано или подслушано. Желающих "выслужиться", на удивление Зиминых, очень много, проще перечислить тех, кому этим противно заниматься...

У Насти складывалось впечатление, что эта семья живет по каким-то неизвестным ей, тоже иммигрантке, законам и ее начало распирать любопытство с подспудным желанием хоть как-то помочь им. Пока же она получала такие ответы на заданные вопросы, что возникали десятки новых, причем последний звучал, как первый, то есть круг замыкался.

Из рассказов супругов ей стало ясно лишь одно: им пришлось бежать из Риги и просить убежище в Германии. Причиной их побега послужил "наезд", как объяснил Виктор, "братков", желающих получить свою долю от его бизнеса. Оказалось, что Виктор Зимин, в прошлом гимнаст, позже стал работать профессиональным массажистом. За два года в принадлежавшем ему оздоровительном центре дела пошли в гору, и кое-кто решил, что ему надо "поделиться". Получив отказ, "братки" устроили погром в фирме, а ему с женой неоднократно угрожали расправой. Оставаться жить в таких условиях, было небезопасно. И тогда знакомые посоветовали им уехать в Германию и попросить убежища. Только попав в жернова машины, отбирающей тех, кому немецкие власти предоставляют статус беженца, Зимины поняли, в какую непростительную ошибку они совершили. Их прошение о предоставлении

убежища было отклонено через пару месяцев по причине, как записано в официальном отказе, отсутствия "достоверности" изложенной истории. Марина добавила, что в немецком законодательстве есть статья, по которой чиновник, принимая то или иное решение по заявлению беженца, руководствуется тем, что может "поверить" на слово, а может и "не поверить". К последним (а таких в ФРГ большинство) принадлежали и рижане. За разъяснениями всей этой юридической казуистики "отказник" обращается к немецкому адвокату, который советует подавать апелляцию в суд, разумеется, беря за свою работу немалые деньги. Суд может тянуться годами, как в случае Зиминых, и все это время они обязаны жить в этой комнатке, не имея даже права выехать за пределы города без письменного разрешения властей. Работать тоже без разрешения властей нельзя. Виктору просто повезло: работа художника (а живопись была серьезным увлечением Виктора с детства) относится к числу свободных профессий и, опять же, согласно немецким законам, не входит в перечень тех, которые считаются запретными для лиц их категории...

- И что же будет с вами дальше, если суд вдруг откажет вам в убежище? - спросила Настя, чувствуя, как начинает трещать голова в результате обрушившейся на нее информации.

- Наверно, депортируют обратно в Латвию, - хрипло ответил Виктор. - Немцы давно бы это уже сделали, но есть одна загвоздка: мы - не граждане Латвии. У нас советские паспорта. Вот и мурыжат нас тут. Скорее всего, надеются, что мы не выдержим и уедем сами...

- По закону нам сразу же должны были предоставить статус беженца, так как мы являемся гражданами несуществующей более страны, но... - перебила мужа Марина и многозначительно изогнула тонкие брови (все еще в тайне надеясь на справедливость немецкой законодательной машины), но не успела договорить, как в дверь бесшумно приоткрылась и просунулось вытянутое женское лицо с рыжими крашеными волосами и с крупным орлиным носом:

- Ой, - с наигранным удивлением, сказала женщина, пристально изучая Настю, - я не думала, что у вас гости. Мариночка, можно у тебя одолжить почитать детективчик?

- Тамара, зайди позже, ладно? - попросила Зиминая, разливая по чашкам кофе.

В ответ лицо изобразило некое разочарование, и также тихо дверь захлопнулась.

- Теперь пойдет доносить фрау Писке, что у нас были гости, - раздосадовано продолжила Марина.

- А кто такая фрау... хм... Писка? - скосив глаза на Олесю, смущенно переспросила Настя.

- Не Писка, а Писке, - ответила та с детской непосредственностью, допивая стакан апельсинового сока. - Фрау Писке - это шефица нашего хайма.

- Общежития, - перевела еще одно непонятное немецкое слово мать.

- Доела? - с напускной строгостью спросил Виктор дочь. - Иди еще погуляй.

Олеся в миг соскользнула с кресла и выбежала из комнаты.

- Ну и черт с ней, пусть "стучит", - безразлично ответил жене Виктор, словно нет с ними Насти.

- Вы же говорили, что одни русские здесь, - вспомнила Карельских ее слова.

- Она не русская, - ответил он. - Не то армянка, не то грузинка. Их тут тоже хватает, но мы с ними почти не общаемся. Они все держатся своим кланом. Парадокс, но здесь дружат даже с теми, против кого воевали у себя на родине, зато все вместе ненавидят русских. А к нам лезут только, когда им что-то нужно или чтобы "настучать" немцам.

- Зачем? - не поняла Настя.

- Наверно, таким образом надеются выслужиться и получить статус беженца. И что удивительно, по-немецки ворковать научились в считанные

месяцы, а русский так толком и не знают, хотя и прожили всю жизнь в Советском Союзе. Разговаривают примерно, как в анекдоте про учителя русского языка в грузинской школе, - и Зимин продолжил, подражая кавказскому акценту. - Дэти, запомнитэ, русский язык очень трудный. Напримэр, Настиа - это дэвушка, а ненастиа - это плохая погода.

Настю анекдот с ее именем и артистическое перевоплощение собеседника рассмешили до слез.

- Ребята, - решительно обратилась к Зиминым Настя, промокнув салфеткой уголки глаз, - могу я чем-то помочь, чтобы вы выбрались отсюда?

Марина грустно покачала головой, а Виктор раздраженно махнул рукой. Если надежда получить милость от немецких властей у него не осталось, то что могла сделать для них случайная знакомая?! Подсознательно он уже смирился со своей участью, что в игре под названием "Азиль" ("Убежище") им достался несчастливый билет. Однако думать о том моменте, когда придет окончательный отказ, супругам не хотелось и потому бессонными ночами они обсуждали свою дальнейшую судьбу, сговариваясь на том, что им вероятнее всего придется бежать в другую страну. Вопрос лишь оставался, в какую именно. Тут все зависело от количества денег. Поэтому все, что удавалось заработать Виктору, Зимины откладывали на "побег"...

- Нет, я серьезно, - не унималась Настя. - Кажется, я могу вам помочь.

- Брось, Настя, - отмахнулся Виктор - все трое давно уже перешли на "ты".

Теперь настал ее черед рассказать о себе, и что ей нужны специалисты его профиля в созданной ею фирме. Настя пообещала по возвращению в Виннипег сразу же выслать им приглашение на работу с тем, чтобы они смогли уехать в Канаду, не дожидаясь решения суда, если их, разумеется, устраивает ее предложение.

- "Устраивает" ли?! - эмоционально передразнил Виктор. - В нашем положении выбирать не приходится. Если это станет возможным, то мы, Настя, твои должники на всю оставшуюся жизнь.

- Должники мне не нужны, - улыбнувшись, возразила Карельских. - Будешь "пахать" на меня, как папа Карло... Ну, мне пора ехать. Спасибо за угощение.

Супруги вызвались проводить ее до гавани, но Настя вежливо отказалась. Возле калитки к ней подбежала игравшая в песочнице (в единственном развлечении всех детей-беженцев) Олеся и, заглянув в глаза, спросила:

- Ты еще к нам придешь?

- Нет, но я надеюсь, что скоро ты с родителями приедешь к нам, - уверенно ответила Карельских и, наклонившись, нежно поцеловала девочку в румяную щечку. Потом остановила проезжающее мимо них такси и тепло с попрощалась с земляками.

В порт она приехала за несколько минут до отплытия "Королевы Виктория". Резкий гудок напомнил, что ее корабль вот-вот отчалит, и, показав свой паспорт вместе с билетом молодому пограничнику с неприятельской гримасой на лице, что-то невнятное пробурчавшему ей вслед, она взбежала по трапу.

Когда Настя прощальным взором окинула Гамбург, лучи заходящего солнца как раз коснулись шпилей соборов, окутав их золотым светом. "Какой восхитительный вид!" – заметила бы она, если бы в этот момент не думала о Зиминых, вряд ли любовавшимся сейчас этой красотой.

Глава 19

- Я спать не могу, - хныкала в который раз Олеся, лежа в своей кроватке за шкафом.

Марина молча собирала посуду со стола, а Виктор тем временем терял терпенье в тщетных попытках заставить заснуть закапризничавшую дочку:

- Спи давай.

- Я хочу мороженое, - твердила та свое.

- А дерьма в сметане?

- Витя! - вскрикнула жена и тяжело вздохнула про себя: "Нервы у мужа совсем уже ни на что не годятся..."

В дверь тихонько постучались. В столь поздний час к ним мог зайти только сосед по этажу Мохаммед. Этот коренастый лысеющий алжирец, ровесник Виктора, носивший, в отличие от других жильцов, дорогие костюмы, никогда не позволял себе открыть дверь, не дождавшись, пока этого не сделают сами хозяева.

- Проходи, - шепотом пригласил гостя Зимин, скосив глаза на шкаф. Мохаммед в знак понимания кивнул головой и бесшумно опустился в кресло.

Марина всем налила крепкого чаю и поставила на стол пластмассовую салатницу, служившую на время ужина вазочкой для миндального печенья. Сегодня им было о чем поговорить: все общежитие гудело, подобно пчелиному улью, обсуждая события двух последних дней, внесшие разнообразие в жизнь беженцев, годами ожидающих решения собственной участи.

Зимины всегда держались в стороне от этих пересудов точно так же, как и молчаливый, но наблюдательный Мохаммед, чем и заслужили его симпатию.

Однако в первые месяцы барьером в их общении была скудность знаний немецкого у рижан. Тогда их выручал Маринин неплохой французский, которая выполняла роль переводчика в разговорах мужа и соседа.

Мохаммед первым доверился им (причем за годы, проведенные в "ночлежке" супруги научились отличать подлинные истории от "легенд", которые походили на сюжеты индийских фильмов), а по неписанным законам среди просителей убежища это означало, что человек рассчитывает на взаимную откровенность, и он единственный среди жильцов знал причины побега Зиминых из Латвии.

Мохаммеду (скорее всего это было его не настоящее имя), как активному политику, пришлось покинуть свою страну, когда его партия стала в оппозицию к правительству, а его товарищи по партии были брошены в тюрьму. Супруги не сомневались, что их соседу первому из числа проживающих в общежитии, полагалось получить политическое убежище. Однако немецкие власти не торопились с предоставлением ему статуса беженца. Суд, состоявшийся еще зимой, до сих пор не вынес своего вердикта. Томительное ожидание так изнурило алжирца, что он похудел, осунулся и ходил мрачнее тучи. Кстати, кому-то очень не хотелось, чтобы Мохаммед присутствовал на том заседании суда, и письмо от адвоката с уведомлением о дне и времени слушания ему не доставили. За час до начала суда ему позвонил адвокат на телефон-автомат, который висел в холле первого этажа, и обеспокоено спросил, почему его до сих пор нет в суде. Так, по чистой случайности (телефон мог быть занят албанцами, часами признающимися в любви какой-нибудь немецкой "фрейлейн", или же вообще не работать) Мохаммеду посчастливилось не пропустить слушание по собственному делу. А, возвратившись, он устроил невиданный скандал всем работающим в общежитии немцам, начиная от коменданта фрау Писке, получающей всю корреспонденцию для беженцев, и кончая ничего не ведавшей уборщице...

Коротая время за чашкой чая, супруги, благодаря беседам с соседом, взглянули на жизнь через призму политических отношений в мире, в том числе и на свою собственную. К примеру, они впервые слышали от иностранца слова сожаления о распаде СССР. Все остальные восхищались политикой Горбачева и Ельцина, но при этом их новые знакомые почему-то не стремились подружиться с Виктором и Мариной. Мохаммед же сокрушенно качал головой всякий раз, когда речь заходила о событиях в современной России и постсоветских республиках, и приговаривал, что СССР "мус цурюк" ("должен вернуться"). На недоуменный взгляд Марины он тогда доходчиво объяснил, к чему привело нарушение политического баланса на мировой арене, и как

результат американцы теперь творят все, что им заблагорассудится, поскольку нет противовеса, нет никого, кто, хотя бы как Хрущев, стукнул кулаком и показал бы им "кузькину мать".

Из-за крушения Союза, рассказывал Мохаммед, страдают десятки стран третьего мира, некогда ориентированные на политику Москвы. Что происходит сейчас в этих государствах, Зиминим было и вовсе невдомек до знакомства с алжирцем. От него они узнали, что там идут кровопролитные войны; янки, где с помощью подкупа властей, а кое-где и путем вооруженного переворота, ставят своих "марионеток", и уже через пару месяцев очередная богатая природными ресурсами "Лимпопо" у них "в кармане". И никого, утверждал Мохаммед, включая международные организации, не интересует, сколько людей погибает в этих войнах, страдает от болезней и умирает от голода. Он также предостерегал рижан, что рано или поздно "вакуум" из-за отсутствия политического баланса будет заполнен "третьей силой", какой именно, не уточнял, но призрачно намекал на страны и организации, которые пока еще не могут открыто противостоять самой могущественной державе в мире. Из его высказываний выходило, что годы "холодной войны" наиболее благоприятно влияли на развивающиеся страны, так как в то время тем гарантировалось "крыло" одной из сверхдержав.

Вот поэтому он так внимательно следил за развитием ситуации в России и был благодарен случаю, что подружился с русской семьей, которая, в свою очередь, поведала, как аукнулось крушение СССР на живущих в Латвии русских, и что они думают о будущем своей исторической родины. Мохаммед видел, как порой менялись в лице супруги от, по-видимому, болезненных для них вопросов, которые он задавал, и пусть языковый барьер не всегда способствовал четкому выражению мыслей, главное в таких случаях, как показывали их беседы, было стремление понять друг друга, а не спорить и доказывать свою правоту. Но в отличие от других, нередко позволяющих себе с едкими ухмылками бесцеремонные высказывания об "одной шестой суши",

алжирец переживал за судьбу России искренне. Он признался, как ломал голову и не нашел ответа, почему держава, которая одержала победу над фашизмом и первая запустила ракету в космос, так и не сумела создать для своего народа приближенный к мировому уровню зарплату, чтобы купить приличный дом, автомобиль, бытовую технику и обеспечить себе достойную старость. В общем, всего того, что имеют рядовые граждане других стран.

Благодаря эрудиции Мохаммеда, его образованности и знаниям немецких законов супруги узнали, к примеру, что их сразу же должны были признать лицами без гражданства, поскольку Советского Союза больше нет, а они въехали в страну с паспортами СССР, и на этом основании Германия обязана была предоставить им вид на жительство. Он разъяснял им получше любого немецкого адвоката их права, а также показал статью закона, в которой говорилось о возможности работать в качестве свободного художника без разрешения местной службы занятости...

- Угощайся, - тихо, чтобы не разбудить наконец-то заснувшую дочь, сказала Марина и придвинула печенье поближе к Мохаммеду.

Итак, новостей за последнюю неделю было две. Первая - это всегда являлось событием! - получение статуса политического беженца молодым арабом, с которым Мохаммед делил комнату в общежитии. (Одиночек в общежитии селили вместе по национальному признаку). Алжирец, узнавший эту новость одним из первых, весь день пребывал в шоке. Нет, не из зависти, а от непонимания, чем же руководствуются те, кто принимает решения о предоставлении убежища. В его памяти еще были свежи известия с получением паспортов беженца молодой девушкой из южной республики бывшего СССР, утверждающей, что она одаренный физик-ядерщик, за которой, якобы, вели "охоту" российские спецслужбы с целью заставить работать на них. А также история одной особы лет сорока с несносным сыном-подростком, выдававшей себя за вдову пастуха из "горячей точки". Однако, как утверждали ее соплеменники, ни она, ни ее сынок ни слова не понимали на языке "родной

страны". А этот двадцатилетний марокканец, по словам Мохаммеда, толком не знал даже названия правящей в его стране партии, против которой он "вел борьбу" и "был преследован".

Вторую новость - депортацию семьи из Абхазии с двумя маленькими детьми - каждый из жильцов обсуждал со страхом в глазах. Как правило, - и это больше всего удивляло Зиминых - все депортации почему-то происходили глубокой ночью, что напоминало им увиденное в фильмах о репрессиях тридцать седьмого года. Бесшумно подкатывал фургон, также бесшумно несколько полицейских в сопровождении сотрудников миграционной службы находили в темном коридоре нужную комнату и раздавался грубый стук в дверь со словами: "Полиция! Депорт!" Став однажды свидетелем отправки на родину кого-нибудь из соседей, каждый невольно представлял себя на его месте. Быть может, именно этого и добивались немцы, чтобы беженцы пребывали в постоянном страхе за свою дальнейшую судьбу и, что называется, "не расслаблялись". На этот раз отработанная акция прошла не по их сценарию. Как только полицейские ворвались в комнату, молодая женщина схватила стоявшую на столе бутылку и, разбив ее об подоконник, набросилась на одного из них. Соседи позже рассказывали, что слышали глухой стук, последующий за этим крик и детский плач. А наутро все увидели страшную картину: стены комнаты были забрызганы кровью - молодая мама от отчаяния и испуга перерезала себе вены...

- Интересно, куда их депортировали? Они из Абхазии, говорила она, но немцы их записали как граждан Грузии, - вслух размышляла Марина. В отличие от мужчин женщины все же больше общались, встречаясь ежедневно на общей кухне.

- Формально они правы, - ответил Мохаммед. - Ни одна страна в мире не признала Абхазию как независимое государство.

- Не представляю, что с ними будет, если их выслали в Грузию...

Не успела она договорить фразу, как раздался резкий удар в дверь, от которого Зимины вздрогнули, и мужской голос рявкнул в коридоре:

- Русиш – телефон!

Так звали всех, кому звонили на имеющийся в холле телефон-автомат. Не по имени или номеру комнаты, а по национальности. Потом уже представитель названной нации выяснял, кого именно нужно позвать к телефону. И только чернокожих африканцев называли по имени континента, чем вызывали сильное раздражение у того же Мохаммеда, поскольку и его страна расположена в Африке, но те упорно продолжали от остальных требовать, чтобы их ни в коем случае не называли "неграми", считая это слово грубым оскорблением их расовой принадлежности.

Супруги недоуменно переглянулись. Им могла, только в случае крайней необходимости, позвонить мать Виктора из Риги. "Неужели что-то случилось?!" - подумали оба, и Марина помчалась вниз по лестнице.

- Алло. Слушаю, - выговорила она, и ее слова глухо прокатились эхом по всему этажу.

На том конце ответил незнакомый звонкий женский голос:

- Марина? Добрый вечер! Наконец-то я дозвонилась до вас. Как ваши дела?

- Кто это? - теряясь в догадках, спросила она.

- Настя Карельских, из Виннипега. Вы получили мое письмо с контрактом на работу? Начали оформлять документы?

- Настя?! Господи, прости, не узнала, - извинилась обрадованная и одновременно с закипающим в душе гневом от услышанного Марина. - Нет, ничего мы не получали.

- То есть, как не получали?! - удивленно фыркнула Карельских на том конце провода. - Я же месяц назад вам выслала письмо. Вы должны были уже все оформить.

- Уверю тебя, мы ничего не получали, - уверенно повторила она.

- Ну не может же быть, чтобы письмо из Канады не дошло до Германии? - не унималась Настя.

- Ты не веришь мне? - с нотками обиды спросила Зиминая.

- Верю, но, согласись, как-то странно, очень странно... Никогда бы не подумала, что в Германии может пропасть письмо, да еще заказное.

Но для Марины ничего странного в этом не было. Примером мог служить случай с Мохаммедом. Но не говорить же об этом по телефону из холла?!

- Ладно, - ответила Карельских. - Раз у вас там творятся такие "чудеса", завтра я вышлю еще один экземпляр, но уже на адрес Канадского посольства, а вы поедете туда и все заполните.

- Ты забыла, что нам нельзя покидать город без разрешения.

- Так возьмите его, - она не понимала, почему Зиминим могут не разрешить поехать в столицу.

- Хорошо, мы постараемся. Настя, я хочу сказать, что мы тебе бесконечно признательны за все, - чувствуя, как наворачиваются слезы на глаза, тихо, чтобы никто не подслушал их разговора, сказала Марина.

- Не за что пока. Я вам перезвоню через неделю.

- Нет, - торопливо возразила та, вспомнив, что ходили слухи о прослушивании звонков, - мы сами позвоним тебе.

- Хорошо. Удачи вам!.. - и раздался щелчок.

Вешая трубку на телефонный рычаг, Марина заметила торопливо бегущую вверх по лестнице женскую тень.

"Вот тварь! Завтра же побежит "стучать". Все не спится ей", - подумала она про Тамару.

Вернувшись к себе, она встретила встревоженный взгляд мужа и вопросительный гостя.

- Мохаммед, дай, пожалуйста, сигарету, - попросила Марина у заядлого курильщика.

- Ты же обещала бросить, - с укором заметил Виктор и, не выдержав более ее молчания, спросил: - Может, скажешь все-таки, кто звонил?

- Настя, - выпуская клубы дыма в открытую форточку, ответила жена.

Конечно же, Виктор сразу понял, какая Настя. Сначала они с Мариной с нетерпением ожидали ее письма с какими-то бланками, как объясняла Карельских, которые они должны были заполнить и отправить в Канадское посольство в ФРГ. Однако прошло более трех месяцев, а писем все не было. Надежда таяла с каждым днем, и они уже не верили в искренность ее намерений. И вдруг этот ночной звонок. Значит, Карельских, не обманула их! А немцы поступили с ними точь-в-точь как с Мохаммедом, которому не доставили письмо адвоката. Всю эту тираду они выплеснули в два голоса, позабыв о спящей дочери и не обращая внимания на изумленно наблюдающего за ними гостя. И только докурив сигарету, Марина извинилась и вкратце объяснила, в чем дело.

- Вам надо быть предельно осторожными, - по-отечески посоветовал алжирец.

- Почему? - не поняли супруги.

- Боюсь, что немцы будут чинить вам препятствия к выезду, - высказал он свои опасения и, прищулив свои огромные навывкат черные глаза, предложил ехать в посольство без уведомления немецких властей. Мохаммед был уверен, что по дороге у них никто не проверит документы благодаря их внешности (не то, что он со своим арабским лицом). Но супруги возразили: рисковать быть оштрафованными и уплатить немалые для них деньги за нарушение "зоны" им не хотелось. А Марина добавила, что их отсутствие сразу обнаружится и потом все равно придется объясняться. Однако Мохаммед стоял на своем. К его словам Зимины обычно прислушивались, хоть им и было непонятно, почему немецкие власти не захотят отпустить их в Канаду. Разве не лучше, что уедет еще одна семья, претендующая на получение статуса беженца, которое они с таким упорством не дают до сих пор?!

- Но почему? - допытывалась с присущим женщинам любопытством Марина.

- Не знаю, - безнадежно развел руками Мохаммед, - но раз они действуют с вами такими грубыми методами, похоже, их игра "стоит свечей"...

Фрау Писке, излишне располневшая после операции по стерилизации женщина тридцати пяти лет, подъехала к воротам на своем новеньком "Опеле" в шесть сорок пять. До начала рабочего дня оставалось четверть часа. В холле никого не было, кроме уборщицы, только что приступившей к уборке ночного мусора. Не успела она просунуть ключ в замок своего офиса, как бесшумно возникла фигура Тамары в домашнем халатике и мягких тапочках и, заговорчески подмигнув, пожелала "доброго утра".

- Заходи, - кивнула та и, быстро оглянувшись, нет ли кого еще за спиной, прикрыла дверь. - Ну, что нового, Тамара?

Присев на жесткий металлический стул в углу небольшой комнатки, она сначала почти дословно передала разговоры беженцев, судачивших о последней депортации, разумеется, приукрасив и дополнив таким образом, чтобы у фрау Писке в очередной раз сложилось впечатление о не "благонадежности" к Германии ее личных недругов по общежитию и "преданности" собственной семьи. Подслушанный же ночной разговор Марины Тамара оставила на конец, считая это большой удачей, так как еще ни разу не видела, чтобы рижане кому-то звонили по телефону, и заранее смаковала похвальные слова фрау Писке в свой адрес.

- Вчера звонили Зиминим, - торжественно объявила беженка.

Однако никто не мог предсказать последовавшую за новостью реакцию коменданта общежития:

- Кто звонил? - низким грубым голосом был задан вопрос.

- Какая-то женщина. Марина называла ее "Настя" и говорили они по-русски.

- О чем?

- Этого я не поняла, так как она говорила очень тихо. Но, по-моему, они собрались куда-то ехать.

- И это все?

- Да, - разочарованно кивнула Тамара.

- Хорошо, иди. Если что - сама знаешь...

- Фрау Писке, я тут же...

- Иди, - перебила ее комендант. Ей не терпелось остаться одной, чтобы обо всем спокойно поразмышлять.

Первым делом она достала из сумочки толстыми слегка дрожащими пальцами пачку сигарет "Мальборо" и, откинувшись в кресле, закурила. Необходимо было взвесить все "за" и "против" от полученной информации, чтобы не наломать, как говорится, еще дров и не лишиться столь престижной для перебежчика из Восточной Германии должности...

Хайке Динман было двадцать шесть, когда она, выпускница сельскохозяйственного института, поняла бесперспективность своей будущей профессии. У нее был друг Фабиан Писке, как сейчас говорят, "бойфренд", грезивший Западной Германией, где жили его родственники со стороны матери, которые постоянно присылали дорогие подарки. Вся его семья люто ненавидела советские войска (они их называли русскими) за то, что послевоенный раздел Германии лишил их права жить так, как живут их родственники на Западе. Однажды Хайке сама предложила ему бежать в ФРГ, уверяя, что это вполне возможно, когда узнала от служившего в пограничных войсках младшего брата о примерах удачного перехода границы. Поводом для получения разрешения на поездку в гости к брату послужило Рождество. Морозной декабрьской ночью по колено в студеной горной речушке они пробирались к своей цели, рискуя быть застреленными, как нарушители государственной границы. Их первый год жизни в Гамбурге был самым безоблачным жизни Хайке. Им предоставили большую квартиру, а Фабиану работу. Еще полгода спустя у нее родилась двойня. А через год рухнула

Берлинская стена. "Стоило так рисковать жизнью?!" - спрашивали они друг друга. Вместе с объединением неожиданно начались проблемы у тех, кого в Западной Германии называли "осси", т.е. восточные немцы. Паломничество бывших граждан ГДР на Запад, особенно молодежи, резко увеличило число безработных среди западных немцев. И Хайке Писке, у которой к тому времени уже подросли мальчики, невозможно было найти хоть какую-нибудь пристойную постоянную работу. К тому же ее диплом не был признан в новой объединенной Германии, и ей пришлось пойти заново учиться. Поэтому она так дорожила должностью коменданта общежития...

"Итак, - про себя рассуждала фрау Писке, - что мы имеем? Зимины, возможно, разговаривали с той особой, которая прислала письмо. Значит, они знают, что письмо было послано, но ими оно не получено. Что они могут предпринять? Ну, придут ко мне, а я пожму плечами. И все..."

Она протянула руку к стеллажу, где стояли папки и достала одну из них, самую увесистую. "Ого, - усмехалась она, перелистывая страницы из личного дела, - эта дамочка за какой-то год стала настоящей занозой в заднице для наших властей. Ничего, пожировала и хватит. Завтра эту свинью выселят из квартиры, отберут паспорт и привезут с ее вырождаком обратно сюда, а через месяц пинками засунут в самолет, и одной головной боли у нас будет меньше. Главное, что отчет о нужных процентах, скольким мы, немцы, предоставляем убежище, уже отправлен в эту чертову комиссию при ООН..." Таким она представляла конец той самой вдовы из "горячей точки", о везении которой до сих пор судачили беженцы. Впрочем, именно так и заканчивалась, как показывала практика, одиссея у большинства "счастливчиков".

Однако сосредоточиться на работе Хайке Писке никак не удавалось. Какая-то мысль все время ускользала и она испытывала определенный внутренний дискомфорт. Вдруг ее осенило: "А что будет, если эта русская вышлет еще одно письмо? Как быть тогда? Ведь мне велено сделать так, чтобы

корреспонденция из Канады до них не доходила... Но это уже не моя забота. Пусть думают теперь те, кто занимается этим профессионально..."

Тамара семенила мелкими шажками к себе в комнату, когда Марина отворила свою дверь.

- Привет, - как ни в чем не бывало, поздоровалась она. - Ты что поднялась в такую рань?

- А ты?

- Олеся все равно нас спозаранку будит, а твой-то уже большой.

- Да я в душе была, - ляпнула беженка первое, что ей пришло в голову.

- Разве наш не работает? - удивилась Марина.

- Нет, все работает, - тупо уставилась Тамара на соседку, выдав себя, как та определила ее вранье.

- А почему же тогда ты идешь с нижнего этажа? Наш душ в другом конце коридора, - усмехнулась рижанка и сама направилась вниз в кабинет фрау Писке.

Обычно Марина, как поступают интеллигентные люди, стучалась и спрашивала разрешения войти. Однако вчерашний гнев за ночь так и не остыл, и сейчас ей было не до вежливости.

- Морген, - сокращенное от "доброго утра" она посчитала достаточным. - Фрау Писке, у Вас должно быть письмо на наше имя.

- Письмо? - стараясь держаться спокойно, переспросила та. - Какое письмо?

- Нам послали заказное письмо месяц назад, но мы его не получили. Я бы хотела узнать, где оно может находиться?

- Этого я не знаю, - беспомощно развела руками комендант, изо всех сил стараясь не выдать себя. - Может, потерялось по дороге. У вас, - она сделала ударение на слове "вас" - я слышала, такое случается нередко, не так ли?

- А письмо Мохаммеду тоже было послано "у нас"? - уколола ее Марина.

- Как видно из практики, такое чаще случается у вас.

- Фрау Зимина, Вы в чем-то хотите обвинить меня?! - начала выходить из себя фрау Писке.

- Да нет, и так все ясно, - ответила она и, резко развернувшись, покинула помещение.

"Черт бы побрал эту русскую!" - в сердцах бросила комендант, продолжая с испугом следить за дверью, как будто Марина могла вернуться вновь.

С первого дня проживания Зиминых в общежитии она инстинктивно стала их ненавидеть и опасаться одновременно. Рижане никогда ее ни о чем не просили, не лебезили и не пресмыкались, как другие, не приглашали ее и других работников "на чашечку кофе", подобно тем, кто любыми способами пытался снискать к себе особое расположение немцев, и уж тем более ни на кого не доносили. Дружба с алжирцем Мохаммедом также беспокоила ее. Она догадывалась, что их беседы не касались вопросов, которыми обычно интересовалось большинство беженцев, к примеру, где найти "черную" работу или кто по дешевке продает краденную в супермаркете вещи.

"Она далеко неглупа, и все же меня ей не перехитрить," - занимаясь самоуспокоением, фрау Писке пыталась-таки приступить к работе.

В конце недели Марина сама позвонила Карельских из городского телефона-автомата и узнала (на такую быстроту действий Зимины уж никак не рассчитывали), что их ждут в Канадском посольстве на собеседование. Надо было во что бы то ни стало срочно ехать в столицу. Но как покинуть общежитие на целый день и чтобы не спохватилась фрау Писке? Над этим супруги ломали голову всю ночь и решили, что Марина симитирует подозрение на беременность и будто ей нужна консультация у врача. Повод подходящий. Как правило, всем иммигрантам немецкие врачи назначали обследование на ранний час, совершенно не заботясь, как будут добираться те, кто живет в отдаленных районах. Ехать же надо было затемно, чтобы вовремя поспеть на прием к консулу.

Бонн представлял собой небольшой городок по сравнению с портовым Гамбургом, и большинство дипломатических представительств размещались в зданиях или особняках вдоль улицы с красивым названием Годесбергер-аллее. Зимины беспрепятственно прошли мимо охранника, показав свои "аусвайсы" ("удостоверения личности"), которые были выданы им в Германии взамен отобранных у них советских паспортов и один раз в полгода в них ставили отметку о разрешении на временное пребывание.

Консул, молодой мужчина в очках с коротко стриженными рыжими волосами, был с ними весьма приветлив, чего супруги не могли сказать о немецких чиновниках, с которыми им пришлось побеседовать за три года в Германии. Они там же заполнили пересланные Настей Карельских по факсу формуляры и еще ряд каких-то необходимых для оформления въездной визы в Канаду анкет. (Тут их опять выручили знания французского Мариной). В конце беседы консул попросил показать их заграничные паспорта. Зимины объяснили, что все имеющиеся при себе документы немецкие власти потребовали сдать во время так называемого "интервью", когда они оформляли прошение об убежище. Но, по счастью, у них есть с собой случайно оставленные копии их советских паспортов. Консул долго рассматривал фотокопии и нервно покусывал тонкие губы. Наконец он заявил, что визы по этим паспортам могут быть выданы только в том случае, если на момент въезда в его страну их срок действия будет еще не менее шести месяцев. Другими словами паспорта Зиминых считаются действительными еще восемь месяцев, так что их следует привезти в консульство как можно быстрее.

Всю обратную дорогу супругам, впервые за последние годы, было легко и радостно на душе, и под перестук скоростного поезда строили планы на скорую заокеанскую жизнь. Но более всего они были благодарны случайной знакомой Насте, которая за последнюю неделю стала для них самым дорогим человеком.

На следующее утро они отправились в местное отделение иммиграционной службы, чтобы потребовать свои паспорта. Инспектор,

худощавая женщина неопределенного возраста, похожая на пигалицу, вопрошающе вскинула бровями и бросила взгляд на настенный календарь, затем с недовольством пробурчала, что еще рано продлевать разрешение на пребывание. Виктор держался уверенно, что не ускользнуло от острого глаза госслужащей, и спокойно объяснил, как умел по-немецки, цель их визита. Мгновенно изменившись в лице, инспектор задержала маленькой головкой из стороны в сторону и, наконец, таким тоном спросила, зачем им нужны паспорта, словно это были ее личные вещи. Ответ Виктора (разумеется, он умолчал о личном посещении Канадского посольства) подействовал на нее шокирующе, и на этот раз пауза, воцарившаяся в кабинете, была вдвое дольше, во время которой она что-то соображала. Супруги с недоумением следили за ее поведением, а у Марины пронеслось в голове предостережение Мохаммеда. В итоге, бросив короткое "гут" ("хорошо"), она дала им понять, что "аудиенция" окончена.

Прошла еще неделя. Зимины полагали, что инспектору, наверное, надо самой получить разрешение на возврат их паспортов и что скоро их вызовут. Однако с каждым днем тревога, что "пигалица" просто тянет их драгоценное время, возрастала, о чем они поделились с Мохаммедом. Тот молча их выслушал, а потом привел в пример витиеватое арабское изречение по поводу того, что слабому для получения выгоды надо поступить так, чтобы сильный это сделал за него. Виктор, с уважением относящийся к восточной мудрости, не понимал, на что намекает алжирец. "На вашу знакомую", - просто ответил он и посоветовал все рассказать ей, заверив, что если Зимины ей действительно нужны, та найдет способ, как им поскорее получить обратно свои паспорта.

Тем же вечером прогуливаясь с дочерью по набережной, Зимины долго обсуждали, чем конкретно могла бы помочь Карельских при сложившихся вокруг них обстоятельствах. Главное, чего они опасались, это Настиного непонимания, поскольку ситуация на самом деле выглядела фантасмагорической. И все-таки они решили позвонить в Канаду, когда

проходили мимо желтой телефонной будке. Потянув на себя тугую дверь, всем троим хватило места в просторном стеклянном "домике", как выразилась Олеся. Такие телефонные будки предназначались для граждан в инвалидных колясках, немало встречающихся на улицах города - отголоски прошедших войн, аукающееся на новом поколении немцев, к такому мнению пришли Зимины.

Марина с дрожью в голосе сначала рассказала о поездке в посольство, а когда дошла до визита к "пигалице", то разревелась впервые за много лет. Виктор, нетерпеливо слушающий ее бессвязный рассказ, вырвал из рук жены трубку и напрямую спросил Настю, что им делать. Тем временем испуганная Олеся, обхватив руками мамины ноги, тоже начала всхлипывать. Настя, как и опасались супруги, вначале отказывалась поверить, что немецкие власти намеренно препятствуют их выезду в Канаду, и в свою очередь начала задавать вопросы. Виктор, у которого за последнюю неделю нервы напряглись до предела, чуть было не бросил трубку, когда Карельских вдруг замолчала, а потом, поразмыслив, пообещала, что постарается сама разобраться.

- Mamochka, ну, не плачь, - Олеся гладила похолодевшими ручками безмолвно плачущую Марину, которая неотрывно следила за мимикой мужа, стараясь угадать результат их звонка, но тот, повесив трубку, лишь безнадежно махнул рукой...

Всем их недавним планам на скорейший отъезд и начало новой жизни в Канаде, казалось, уже никогда не будет суждено сбыться, когда несколько дней спустя фрау Писке вручила Марине официальное письмо от местной миграционной службы. Виктор в это время, как обычно, отведя Олесю в детский сад при местной католической церкви, делал эскизы очередного "памятника архитектуры" в центре города. Она поднималась к себе в комнату под сверлящимися взглядами беженцев, старающихся по ее лицу и походке разгадать, каких новостей от немецких властей ожидает эта семья. Марина вскрыла конверт дрожащей рукой и сразу же потянулась за пачкой сигарет,

которые она покупала в тайне от мужа и выкуривала почти всю, пока того не было дома. Лишь перечитав в третий раз короткий текст письма, уместившийся на пяти строчках, она сумела вникнуть в его содержание, завуалированное юридическими терминами с перечислением различных статей и пунктов немецких законов. Суть письма сводилась к одному: их вызывают в местное отделение миграционной службы. Это могло означать, что либо их дело о прошении убежища уже прекращено и, как следствие, разрешение на дальнейшее пребывание в Германии не выдается. Говоря языком самих беженцев, в любой момент может наступить час "икс", то есть выдворение из страны на родину. Либо... либо им все-таки разрешают начать оформление документов для выезда в Канаду. Но Зимины уже не верили в счастливый исход Настиной, как они называла про себя, авантюры.

Прикуривая четвертую подряд сигарету, она посмотрела на часы. Вот-вот должны были вернуться муж с дочкой, а у нее еще не готов обед. "Перебьемся сегодня," - махнула она рукой, открыв холодильник и рассеянно осмотрев его скудное содержимое.

Ночью Марина почти не спала, лежа на краю раскладного дивана и боясь, чтобы чутко спавший Виктор не догадался о ее страхах...

На этот раз рижан пригласили не в кабинет "пигалицы", а к начальнику местного отделения миграционной службы. Используя все ту же непонятную юридическую лексику для простого "бюргера" (что тут уж говорить об иностранцах!), тот стал устрашать о возможных для Зиминых последствиях в случае неудачи с получением канадской визы, поскольку рассмотрение их прошения в связи возможностью выезда в "третью страну" уже прекратилось. Все его "советы" супруги слушали вполуха, ожидая кульминационного момента - возвращения паспортов. Однако безликий мужчина, сидящий за массивным столом, казалось, не торопился их отпускать и задавал все новые вопросы. Зимины и представить не могли, как того раздирало любопытство, что из себя представляет эта русская пара, за которую ему, начальнику (!), в его

собственной стране (!!), впервые за годы службы рядовой иностранный дипломат указал на соблюдение правовых норм беженцев.

- Скажите, когда мы сможем получить наши паспорта? - в свою очередь задал вопрос Виктор, которому надоела вся эта "бодяга".

- Вы их не получите, - серьезно ответил начальник.

- То есть как "нет"?! - в один голос возмутились супруги, а Марина добавила: - Зачем же Вы нас столько тут держите?!

- Они пересланы в посольство, - последовало короткое объяснение.

Всю обратную дорогу Зимины сомневались в его правдивости, не веря уже ни одному слову немецких чиновников. Сожалели они и об отсутствии Мохаммеда, третьего дня внезапно исчезнувшего из общежития, от которого получали мудрые советы и моральную поддержку. Похоже, что у того окончательно сдали нервы в ожидании получения статуса политического беженца, и он нелегально перебрался в какую-нибудь другую страну, где иммиграционные власти тщательнее, чем в Германии, придерживаются буквы закона и нормам международного права. Рижане не были в обиде на алжирца за то, что он уехал, не попрощавшись. В общежитии в таких случаях не принято кому-либо сообщать о своем решении из целого ряда соображений: кто-то может проговориться, а кто-то намеренно "сдаст" немцам. Тогда пограничникам не составит труда хватить беглеца при переходе границы, хотя сами границы и называются открытыми, в приграничных зонах паспортный контроль сохранился на всех дорогах и подъездах к внешним рубежам. Но Зимины полагали, что Мохаммед не поделился своими планами не из недоверия, а следуя поговорке: "Меньше знаешь - лучше спишь".

В общежитии их ожидал новый сюрприз. Фрау Писке, завидев их в холле, позвала к себе в кабинет и вручила еще одно письмо, имеющее штампель незнакомой организации. Вглядевшись в него, Марина прочитала всего два слова по-французски: "Посольство Канады" и почувствовала, как от счастья подкашиваются ноги.

Когда же за ними закрылась дверь, комендант с ненавистью прошептала: "Жаль! Еще пару бы месяцев и у них ничего уже не вышло бы. Зато отправили бы туда, откуда они приехали". Сколько раз в уме она подсчитывала их "последние денечки" в Германии. Как только закончился бы срок действия их советских паспортов, власти имели бы полное право "с треском" депортировать этих "зазнавшихся" перед ней, арийкой (!), "русских лапотников". И все же ей пришлось признаться, как она внутренне и не пыталась отнекиваться, что Зимины одержали победу над безотказно до сих пор работающей машиной под названием "Азиль".